

А. Б. ТАРАСОВ

**Праведники
в системе образов
А. П. Чехова**

В произведениях А. П. Чехова нашла литературное преломление внехудожественная реальность поиска идеала. Среди исследователей творчества Чехова до сих пор распространено убеждение, что в художественном мире писателя «никто не знает настоящей правды» (см., например, работы В. Я. Лакшина, В. Б. Катаева и др.). Под сомнением оказалась сама возможность найти в произведениях Чехова реальное воплощение высшей правды человеческого существования. Общим местом многих научных работ о русской литературе XIX–XX веков является утверждение, что великие русские писатели вообще отдавали предпочтение не «идеальным» героям (т. е. не праведникам, живущим «как должно»), не ответам на вопрос «что есть истина?», а «реальным», «живым», героическим или хотя бы просто искренне ищущим и заблуждающимся людям.

Здесь уместно вспомнить и слова В. Г. Короленко из его письма к Н. К. Михайловскому от 31 декабря 1887 г. — 1 января 1888 г.: «Тогда (в 60–70-е годы XIX в. — А. Т.) мы все искали «героя», и господа Омулевские и Засодимские нам этих героев давали. К сожалению, герои оказались все «апплике», ненастоящие, головные. Теперь поэтому мы прежде всего ищем уже не героя, а настоящего человека, не подвига, а душевного движения, хотя бы и не похвального, но зато непосредственного (в этом и есть сила, например, Чехова)»¹.

Любопытно отметить, что некоторые представители русской интеллигенции придавали исключительное значение творчеству Чехова. Так, К. И. Чуковский утверждал, что А. П. Чехов казался современникам «мерилом вещей», а его книги — «единственной правдой обо всем, что творилось вокруг»².

Для такого представления были некоторые основания. По словам литературного критика И. Ви-

ноградова, в конце XIX века в интеллигентской среде господствовало «новое внерелигиозное сознание», которое «оказывалось перед насущной необходимостью заново обосновать всю систему нравственно-ценностного ориентирования в жизни — ту систему, которую раньше держал «замковый камень» религиозной веры»³.

А. П. Чехову было важно в «новую» систему «нравственно-ценностного ориентирования» вписать фигуру А. Н. Толстого. Он считал, что если умрет Толстой, то все «пойдет к черту» и не будет у русских людей нравственной опоры. При этом сам Чехов все же шел своим путем. Достаточно вспомнить классические слова Чехова о финальной части романа Толстого «Воскресения»: «... писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия, — это уж очень по-богословски»⁴. Чехов говорил, что его сначала нужно убедить в истинности самого Евангелия, а потом уже ссылаться на евангельские тексты.

Как видим, с одной стороны, интеллигенция воспринимала Толстого и Чехова в качестве праведников и источников представлений о высшей правде. С другой стороны, снижается «планка» требований к положительным героям, которых изображают писатели. Как выйти из подобного противоречия?

В свое время А. С. Пушкин точно определил сферу деятельности, в которой заложены ответы на вопросы о смысле творчества и жизни любого писателя: «Слова поэта суть его дела». Думается, проникнуть в тайну Чехова, разобраться, в чем же он видел абсолютную истину, высшую жизненную правду, невозможно без

Работа выполнена по гранту Президента РФ (№ МК-1960.2005.6).

самого писателя, то есть без внимательного, непредвзятого прочтения и изучения его художественных произведений и эпистолярного наследия.

Еще в апреле 1879 г. А. П. Чехов в письме своему брату Михаилу советовал прочитать статью И. С. Тургенева «Дон-Кихот и Гамлет», которая на него самого произвела сильное впечатление. Тогда молодой Чехов не видел в окружающей его действительности Дон-Кихотов в тургеневском смысле слова, т.е. самоотверженных альтруистов, верящих в идеал. И все же импонировал ему именно этот, дон-кихотский тип людей. Значит, еще в начале своей активной литературной деятельности Чехов был настроен на серьезные размышления о высшей жизненной правде, о праведниках.

А в статье-некрологе «[Н.М.Пржевальский]» (1888) он, рассуждая о путешественниках-подвижниках, фактически пишет именно о праведничестве: «Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие... их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу (курсив мой — А. Т.)»⁵. Появление словосочетания «высшая нравственная сила» показывает, что Чехову было важно не просто подвижничество, а та цель, ради которой оно совершалось. Поэтому не случайно он закончил статью о Пржевальском следующими словами: «Читая его (Пржевальского — А. Т.) биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав» (4, 506).

В статье-некрологе «[Н. М. Пржевальский]» Чехов обозначил ценность для литературных произведений изображения «людей подвига, веры и ясно осознанной цели» (4, 506), утешающих и облагораживающих других людей. Он указал на их важную воспитательную роль. Почти каждый рассказ или повесть писателя утверждают эту ценность. Недаром один из современных исследователей высказал мне-

ние, что художественный мир Чехова строится на правде и красоте⁶.

Литературные произведения Чехова в основном посвящены этой проблеме поиска новой системы ориентирования при сознательном, как бы заранее оговоренном отказе от веры в Бога, от Церкви. Как известно, подобный отказ характеризовал жизнь не только его героев, но и самого писателя. Поэтому, согласно справедливому замечанию А. Любомудрова, «понимание мистической реальности Церкви отсутствует в мире Чехова»⁷. Соответственно, вряд ли Чехов помышлял о типах праведников в православном понимании слова «праведничество». Тем не менее, неуместно воспринимать Чехова как материалиста и атеиста, что делает, к примеру, современный биограф писателя И. Бердников в книге «Чехов»⁸. Письма Чехова свидетельствуют о признании им высшего начала в жизни, «страха перед Богом». Скорее всего, писатель находился в состоянии того «истинного мудреца», про которого сказал в дневнике за 1897 г. свои знаменитые слова: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец» (8, 432). Думается, подобным состоянием и объясняются особенности чеховского художественного исследования явления праведничества, проблематичность его однозначного толкования.

Между тем еще в 1886 г. Чехов написал рассказ «Святой ночью», где показал, как прекрасно добро, как удивительны православные богослужения, как чиста монашеская дружба иеродиакона Николая и послушника Иеронима, как сильно смирение этого послушника, не оставившего своего послушания паромщика даже тогда, когда наступил праздник Пасхи и его должны были уже сменить. А светлый образ иеродиакона Николая заслуживает отдельного внимания — его не коснулась и тень чеховской иронии, более того, Николай умирает накануне Пасхи, что считалось в народе признаком особой милости Божией, праведности почившего.

Так, к примеру, в «путевых заметках» «Остров Сахалин» (1893–1894) Чехов рассказывает о священнике о. Симеоне Казанском, слу-

жившем в 1870-х годах в корсаковской церкви. Стиль, настрой, а иногда даже и лексика этого рассказа напоминают новозаветное повествование о подвигах веры апостола Павла: «Почти все время поп Семен проводил в пустыне... он замерзал, заносило его снегом, захватывали по дороге болезни, донимали комары и медведи, опрокидывались на быстрых речках лодки и приходилось купаться в холодной воде; но все это переносил он с необыкновенной легкостью, пустыню называл любезной и не жаловался, что ему тяжело живется... никогда не отказывался от веселой компании и среди веселой беседы умел к стати вставить какой-нибудь церковный текст...» (8, 261). Личность праведного о. Симеона стала легендарной в Сибири, покоряла зарубелые сердца солдат и ссыльных.

Другой пример — Липочка из повести «В овраге» (1900). Чехов прекрасно показал, что никакие страдания не смогли сломить ее чистую и смиренную душу. Не скрывает писатель и источник стойкости своей героини — это вера в Бога, это всегдашнее обращение глаз и души к небу. Ночуя вместе с матерью Прасковьей у Цыбукиных, Липа чувствовала, что «как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же в Божьем мире правда есть и будет, такая же чистая и прекрасная...» (6, 408).

В то же время вера Чехова в науку, в людей подвига и отсутствие глубокой веры в Бога, в благодатность церковной жизни позволяли ему лишь любоваться христианским миром и побуждали искать гуманистический идеал праведника. Доктор Томсон из «Рассказа старшего садовника» (1894) может служить тому подтверждением. Томсон воплощал жизнь «ученого человека», которая питалась исключительно любовью к людям. Он любил их, как детей, не щадя себя помогал им, и все окружающие, даже разбойники и звери, отвечали ему любовью. Рассказчик Михаил Карлович связывает прощение убийцы «святого» доктора с верой во Христа, а, значит, и в человека, но на самом деле Христа нет в рассказе. Жители города, где жил доктор, верили именно в доктора, а убийцу простили из-за неверия в возможность его убийства.

Праведничество без веры в Бога изображено в повести «Моя жизнь» (1896). Главный герой произведения Михаил Полознев старается жить по правде, по справедливости. Однако его стремление к правде оборачивается немирным состоянием духа, постоянным осуждением других людей, отъединением от них, разрушением личной жизни. Отрицательного плана правда проповедуется и подрядчиком Редькой, которого Б. Зайцев метко назвал сектантом: «Тя ест траву, ржа железо, а лжа — душу». И Мисаил, и Редька усиленно трудятся, пытаются противостоять «лже», однако Чехов дает понять, что его герои не знают, ради какой правды терпят они скорби и болезни.

В ряде других произведений Чехова не приводятся конкретные образы праведников, но задаются некие ситуации и положения, обозначающие идею праведничества. Так, в рассказе «На страстной неделе» находим осмысление церковной жизни как благодатного приобщения к высшей красоте и правде. (1887) В этом произведении предстает чистый мир детства: маленький мальчик-повествователь описывает свое говение и причастие в храме. Исповедь у священника и приобщение к Святым Тайнам преображают жизнь героя: «Как теперь легко, как радостно на душе! Грехов уже нет, я свят, я имею право идти в рай!» (3, 240). В атмосфере всеобщего просветления и внутреннего веселья («В церкви все дышит радостью, счастьем и весной» — 3, 241) становится возможным совершить самый большой подвиг — простить своего врага — забияку Митьку. Как видим, у Чехова возможно именно православное по духу произведение. Рассказ «На страстной неделе» впору поставить в один ряд с таким творением «воцерковленной» литературы, как «Лето Господне» И. С. Шмелева.

Преображение героев происходит в повести «Степь» — «старики сияют» после церковного богослужения, светлое и детски чистое жизнелюбие и боголюбие о. Христофора озаряет все вокруг ясным светом, вселяет в унылый мир дух бодрости. Думается, Б.Зайцев справедливо не соглашался с суждением Чехова о своем герое, сделанном в письме А. Н. Пле-

щеву от 9 февраля 1888 г.: «Глупенький о. Христофор уже помер».

Действительно, о. Христофор умней и мудрей других героев «Степи», сохраняет всегда связь с Богом, не падает духом никогда. И современная исследовательница И. Наумова связывает образ путешествующего в степи священника с тем живым высшим началом, которое реально противостоит греховности.

Безблагодатность жизни без веры, без Бога — основная тема повести «Скучная история» (1889). По верному замечанию Б. Зайцева, создание подобного произведения свидетельствует о непростом духовном состоянии Чехова. История профессора Николая Степановича, жаждущего общей идеи, иными словами высшей, ничем, даже смертью, не разрушаемой правды жизни, «Бога живого человека» говорит об онтологической неудовлетворенности и жажде истинной веры самого автора. Поэтому, изображая онтологическую глубину праведничества, Чехов оставался в сфере гносеологии, а его поиски правды становились все насущней и интенсивней.

В повести «Дуэль» (1891) дан прекрасный образ того, как протекает процесс правдоискательства без веры в мире Чехова и как живут верующие люди, обретшие правду в Боге. Главный герой повести Лаевский, обобщая свой и чужой жизненный опыт, размышляет: «В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...» (4, 479). Чехов показывает, что таким образом невозможно стать праведником. Лаевский недалеко ушел от Николая Степановича из «Скучной истории». «Бога у него нет» (4, 460), — так характеризует писатель своего героя. Лаевский, подобно профессору, «духовной жаждою томим», хочет молиться «кому-нибудь» или «чему-нибудь», даже грозе. Но веры нет, нет и преобразования героя, несмотря на то, что после дуэли Лаевский сильно изменился, женился, стал работать. Он повторяет всего лишь вывод своего противника фон Корена: «Никто не знает настоящей правды»

(4, 479), он по-прежнему не может сориентироваться в мире и теряется, слабеет душой перед окружающими людьми. Следовательно, Лаевского нельзя признать «спасшимся христианином», как это делают некоторые исследователи Чехова⁹.

И в той же повести «Дуэль» совершается настоящий прорыв в сферу онтологии. Дьякон рассказывает зоологу фон Корену про веру своего дяди «попа», который, отправляясь на молебен о ниспослании дождя, брал с собою зонт. «Вера горами двигает», — утверждает дьякон, и «какой-нибудь лабенький старец святым духом пролепечет одно только слово... и в Европе камня на камне не останется» (4, 457). Всегда находчивый зоолог не смог ничего по существу возразить на простую и серьезную речь дьякона. Гимн вере в Бога и силе основанной на ней святости оказался недосягаемым и для чеховской иронии. То есть, можно сказать, что за речью дьякона всем ходом развития повести «Дуэль» признается высшая жизненная правда.

Таким образом, художественное воплощение праведничества в творчестве Чехова показывает трудность, невозможность сориентироваться в мире без Бога, без веры. Писатель через литературные произведения дает понять, что «настоящую правду нельзя найти только в том случае, если из системы жизненного ориентирования исключен «Бог живого человека».

Другое дело, что Чехов не ставил вполне определенно и очевидно человеческую праведность в прямую и необходимую зависимость от принадлежности к Православной Церкви. Так, в упомянутой повести «В овраге» Липа по дороге из больницы встретила Костыля и старика, которых она назвала святыми. Но из текста произведения нельзя сделать утвердительного вывода о том, что они православные люди. И все же в том, что они должны быть признаны праведниками, убеждает весь художественный строй произведения: они — «луч света в темном царстве» Уклеева, смягчающий души его жителей, они открывают другое измерение в обыденной, пошлой, страшной и преступной жизни, измерение, неподвластное ее влиянию. Очевидно, писатель просто исследует все «слу-

чаи» праведности, не отдавая предпочтения какому-либо из них.

Выбор может сделать лишь сам читатель. То есть своеобразие чеховского художественного решения проблемы праведничества заключается в принципиальной невозможности отграничить собственно близких сердцу автора праведников от тех, которых можно «вычислить» на основе объективного анализа художественного текста как такового.

О том, что герои Чехова не только *знают*, но и *чувствуют*, *живут настоящей правдой*, свидетельствует рассказ Чехова «Студент». Именно про крестные страдания Христа и про Его апостола Петра сказаны Чеховым такие слова: «*правда и красота*, направлявшие человеческую жизнь там, в саду первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по видимому, *всегда* составляли *главное* в человеческой жизни и вообще на земле»¹⁰. В тексте рассказа нет ни одного художественно оформленного опровержения этих слов, ибо они созвучны не только герою, но и автору произведения.

Таким образом, герои Чехова не только знают настоящую правду, но и стараются жить согласно этой правде. Тексты литературных творений писателя объективно показывают и его религиозные сомнения, и веру, которая

открывается через образы праведников, через первообраз праведника — Христа (рассказ «Студент»).

¹ Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 81–82.

² Чуковский К. Собр. соч. М., 1967. Т. 5. С. 593–594.

³ Виноградов И. По живому следу. Духовные искания русской классики. М., 1987. С. 273.

⁴ Чехов А. П. О литературе. М., 1955. С. 219.

⁵ Чехов А. П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 4. С. 505. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте данной главы с указанием номера тома и страницы.

⁶ См.: Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. М., 1998. С. 12.

⁷ Любомудров А. Церковность как критерий православности явлений культуры // Литературная учеба. 2000. № 5–6.

⁸ Бердников И. Чехов. М., 1978. («Жизнь замечательных людей»).

⁹ См.: Зайцев Б. Чехов // Зайцев Б. Далекое... М., 1991. С. 330; Катаев В. Б. Эволюция и чудо в мире Чехова (повесть «Дуэль») // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 54.

¹⁰ Чехов А. П. Студент // Чехов А. П. «В человеке должно быть все прекрасно...» М., 1980. С. 248. (Курсив мой — А. Т.).